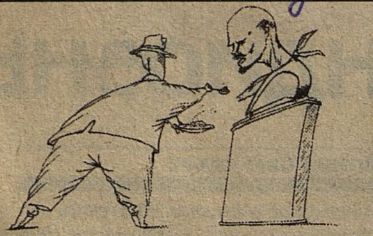
Носик А. 12.05.1996

Сегодня.-1996.-12 мая.-с.10.



АЛЕКСЕЙ ЧЕРВЯКОВ

Денис Горелов

Срезали

Что был для нас Израиль до первых гариков из Иерусалима?

Страна, где евреи наконец-то могут отдохнуть от всех остальных. Побездельничать в субботу. Навалять арабам сразу за весь холокост, врачей-убийц, дело Дрейфуса и союз русского народа. Попались, которые почти не кусались. Печальна участь шлюхи, поймавшей гинеколога после рабочего дня и обещавшей за трешку кое-что показать.

В той дивной стране рос кокос, волна ласкала берег, а друзья детства круглый год ходили в шлепанцах и потихоньку завоевывали большинство в парламенте. У каждого был свой автомат, что отдельно согревает мужское сердце. Впрочем, у женщин автомат был тоже. Короче, как говорил Мальчиш-Кибальчиш, живи да работай — хорошая жизнь.

Однако с тех пор, как самолет Москва—Тель-Авив перестал ходить обратно порожняком, прошло много лет, и в Москве уже перебывали все, кто хотел. Так и вышло, что лучший русскоязычный журналист А. Носик нашел единомышленника А. Карива и на пару с ним написал книжку, равную по силе бесстыдного пасквилянтства речи Черчилля в Фултоне, агиткам графа Ростопчина и статье в «Правде» о беспробудном пьянстве одного из сопредседателей межрегиональной депутатской группы. В книжке в увлекательной форме утверждалось, что покойный премьер-министр обетованной земли на самом деле жив-живехонек, а все случившееся на площади Всех Царей минувшим октябрем — ломаная камедь. Три месяца спустя общеиудейского траура, горя и депрессии такое вполне тянуло на какую-нибудь патетическую уголовную статью вроде «заведомо ложных измышлений». Однако избранный авторами жанр дурацкого детектива уводил их от ответственности — тем более что в образе убитого спецслужбами героя-журналиста угадывались черты одного из них, а именно Носика. Который пал, перееханный халвой, а принесли его домой — оказался он живой, с портретом на последней странице обложки.

Так что не только в России, но и в Израиле от веков нет суда на дураков.

И слава нашему общему Богу — потому что романец вышел прескладный, можно сказать, захватывающий. Согласно интриге храбрый журналист Матвей Станевич попал в беспощадную грызню двух национальных спецслужб (что-то вроде коржаковцев — примаковцев). Одна прячет в Гонконге неубитого премьера, который к радь тель-авивскому дружку Илье Соболю, головорезу с оккупированных территорий (прообразом которого явился иерусалимский архитектор Илья Ленда, еще один выпускник спецшколы № 40, по сей день хранящий атлас для 7 класса с нарисованной на Африке рожей Носика и надписью «Носик — король»). Илья дезертирует из армии, урывает группу захвата и доносит огонь правды до заветной редакции. Премьер-министра с позором воскрешают, а убыль населения идет на убыль. Все это со ссылками на Бродского, Сталина, Лао Цзы, Аксенова и Семенова, который Ю. С воспоминаниями о школьных уроках физры и шмонах в бараке будущного редактора «Тель-Авивских ведомостей».

Есть все основания полагать, что действие не случайно разворачивается в канун православного Нового года, а герои то и дело уносятся воспоминаниями в московское предновогодье. К концу века и тысячелетия человечество явно переутомилось от мироспасательных теорий, национальных устоев, большого искусства и прочей высоты. Пошел спрос на длину. Молодые негодяи с хорошей памятью прочли всю словесность от Гомера до Тополя на всех языках и принялись яростно постмодернировать, вызвав резкое сужение потребителя, ибо не все так быстро читают и не до всех доходит с первого раза. Отовсюду полез тарантинизм, кустурицизм и вудиалленизм, а на волне оказались персонажи, пребывающие на пограничье культур, но без академического придыхания: реэмигранты, видеоманы, за-